

Говард Филлипс Лавкрафт

Заброшенный дом

(The Shunned House)

I

Даже в самых кошмарных событиях обычно таится ирония. Иногда она вплетена в сам их ход, а иногда лишь подчеркивает элемент случайности в связях людей и мест. Именно этот последний вариант видим в случае с Эдгаром Алланом По. В конце сороковых годов прошлого века он, безуспешно ухаживая за талантливой поэтессой миссис Уайтмен, частенько посещал старинный город Провиденс. Писатель всегда останавливался в Мэншен-хаус на Бенифит-стрит – бывшей гостинице «Золотой шар», под крышей которой в свое время находили приют Вашингтон, Джефферсон и Лафайет, а его излюбленный путь к жилищу дамы его сердца пролегал по улице, над которой раскинулось на холме кладбище Святого Иоанна, чьи сокрытые зеленью от досужего взора надгробия обладали для него особой притягательностью.

Вы спросите, в чем же заключалась ирония? А в том, что на своем пути этот непревзойденный певец загадочного и сверхъестественного много раз проходил мимо одного дома, расположенного на восточной стороне улицы, – прилепившегося на крутом склоне холма, невзрачного с виду старомодного особняка, утопающего в огромном запущенном саду, разбитом еще в незапамятные времена. Эдгар По никогда не писал и не упоминал в своих беседах об этом доме, вероятно, вообще не обратил на него внимания. А ведь по крайней мере у двух людей есть неоспоримые доказательства, что тайна дома не уступает, а может, и превосходит по своей кошмарной сути взлеты самой изощренной фантазии не раз проходившего мимо него гения. Сам же дом и поныне мрачно возвышается как материальный символ зла.

Этот особняк привлекал внимание любопытных и в старые, и в нынешние времена. Первоначально задуманное как фермерское жилище середины восемнадцатого века, двухэтажное строение отражало вкусы зажиточных колонистов Новой Англии – островерхая крыша, глухая мансарда, портик в георгианском стиле и внутренние помещения, обшитые панелями (последнее диктовалось изменившимися представлениями о красоте интерьера). Фронтон дома смотрел на юг, восточная стена зарывалась в холм – вплоть до нижних окон, а западная выходила на улицу. Такое местоположение обуславливалось сто пятьдесят лет назад нуждами времени: требовалось выровнять улицу. Ведь Бенифит-стрит (прежде она именовалась Бэк-стрит) некогда была извиистой тропой между захоронениями первых поселенцев. Перемены стали возможны только после перенесения останков колонистов на Северное кладбище, и вот тогда, не боясь уже оскорбить чувства потомков, улицу начали выравнивать.

Прежде западная стена дома начиналась на высоте двадцати футов от тропы, но во времена Революции, когда улицу стали расширять, часть земли срыли, обнажив фундамент строения. Хозяевам пришлось облицевать подвальную стенку кирпичом, а из самого подвала сделать выход на улицу. Тогда же в подвале появились и два оконца.

А когда сто лет назад потребовалось проложить тротуар, срыли еще немного земли, и Эдгар По в своих прогулках мог уже видеть только выходящую на улицу темную кирпичную стену – корпус же самого дома старинной кладки начинался лишь на высоте десяти футов.

Прилегающий к дому сад взбегал по холму вверх, раскинувшись довольно далеко и почти достигая Уитон-стрит. Та его часть, что выходила на Бенифит-стрит, была значительно выше самой улицы. От нее сад отделяла отсыревшая и заросшая мхом высокая каменная стена с пробитой в ней крутой лестницей, ведущей мрачными переходами в верхнюю часть участка с неподстриженными лужайками и развесистыми деревьями. Унылая картина разбитых урн, проржавевших котелков, свалившихся с треног, сооруженных из сучковатых палок, и прочих неожиданных вещей дополнялась жалким зрелищем обветшалой двери с разбитым веерообразным окошком, сгнившими ионическими пилястрами и источенным червями треугольным фронтоном.

В годы своей юности я, помнится, слышал разговоры, что в этом доме слишком часто умирали люди. Именно поэтому первые хозяева дома, прожив в нем двадцать лет, переехали в другое жилище. Место, очевидно, было нездоровым. Возможно, причина крылась в сыром подвале, заросшем грибовидной растительностью, откуда гнилостный запах разносился по всему дому, а может, вину следовало искать в гуляющих по коридорам сквозняках или в колодезной воде. Именно эти пагубные обстоятельства назывались моими близкими в первую очередь. Только годы спустя я нашел в записных книжках моего дяди, доктора Илайхью Уиппла, знатока древностей, упоминание о смутных подозрениях, которыми делились по секрету между собой старые слуги и прочая челядь. Догадки эти никогда широко не распространялись и были почти забыты ко времени, когда Провиденс стал крупным городом со множеством пришлых людей.

О привидениях речи не было. Никогда я не слышал от старожилков рассказов о бряцающих цепях, ледяных порывах ветра, внезапно задутых свечах или незнакомых лицах в окне. Самые дошлые иногда поговаривали, что дом-де «нечист», но дальше этого не шли. Одно было несомненно: люди здесь умирают много чаще, чем во всей округе, точнее сказать, умирали: шестьдесят лет назад при неких не совсем обычных обстоятельствах дом опустел, и с тех пор не находилось охотников поселиться в нем. Скончавшиеся здесь люди не являлись жертвами какого-то рокового случая: скорее, их что-то долго и методично подтачивало, и тот, в ком жизненных сил было меньше, уходил первым. Из выживших же все поголовно страдали явно выраженной анемией или чахоткой, а некоторые и психическими расстройствами. Все это говорило о неблагоприятной для здоровья атмосфере жилища. Ничего подобного, к слову сказать, не замечалось в соседних домах. Вот, пожалуй, и все сведения, которыми я располагал к тому моменту, когда мой дядя после долгих упрасиваний с моей стороны извлек наконец из своих тайников собранные им материалы – шаг, положивший начало нашему опасному расследованию. В мои детские годы этот особняк, окруженный корявыми бесплодными деревьями, уже пустовал. В поднимающемся террасами саду, куда никогда не залетали птицы, росла бледная, на редкость высокая трава и причудливо изогнутые сорняки. Мальчишками мы частенько забегали сюда, и я до сих пор не могу забыть свой детский страх, вызванный не столько странной деформированностью растений, сколько общей зловещей атмосферой и мерзким запахом. Он шел из

ответшало дома, куда мы иногда, влекомые непреодолимой жаждой неведомого, с опаской проникали через незапертую дверь. В этих стенах, обшитых ветхими панелями, витал дух запустения: оконные стекла были разбиты, ставни расшатаны, обои отклеились, отовсюду сыпалась штукатурка, ступеньки отчаянно скрипели под ногами, а то немного, что осталось из мебели, уже ни на что не годилось. Пыль и паутина довершали эту мрачную картину, и потому мальчишка, который решался подняться на чердак, считался отчаянным смельчаком. Когда-то в это просторное помещение с высокими стропилами, освещаемое лишь двумя маленькими тусклыми оконцами, сваливали без разбора всякую рухлядь: сломанные стулья, сундуки, прялки. Теперь за давностью лет все это превратилось в какое-то бесформенное месиво, в адский бедлам.

И все же чердак вряд ли являлся самым зловещим местом в доме. Им был, несомненно, холодный подвал, попав в который мы не могли унять дрожь. Даже сознание того, что он находится не под землей, а на уровне улицы, и за кирпичной стеной с тонкой дверцей и небольшим окошком шумит жизнь, не спасало нас от жгучего страха. Мы никак не могли решить для себя, заглядывать ли сюда почаще в надежде увидеть привидения или, напротив, совсем не показываться, зато спасти тело и душу. В подвале гнилостный запах ощущался сильнее, а кроме того, нам был неприятен вид бледной грибообразной поросли, которая особенно буйно разрасталась в дождливую летнюю погоду. Она чем-то напоминала сорняки в саду и имела преотвратный вид, карикатурно походя на поганки или трубки индейцев. Ничего подобного мы нигде больше не встречали. Эти растения, сгнивая, начинали слабо фосфоресцировать, и те, кто проходил мимо дома ночью, потом божились, что видели, как за разбитыми стеклами окон плясали дьявольские огоньки, а зловоние было особенно ощутимо.

Мы никогда, как бы нам ни хотелось, не осмеливались наведываться в подвал ночью, но иногда, если день был пасмурный и дождливый, тоже наблюдали свечение. Кроме того, в подвале было нечто такое, о чем мы никогда не могли с уверенностью сказать, не померещилось ли оно нам. Я говорю о неясном беловатом наросте на грязном полу, смутном, расплывчатом узоре из плесени, который мы различали у основания печи, где поросль редела. Иногда этот узор напоминал по форме скорченную человеческую фигуру, потом сходство уменьшалось и исчезало совсем. Часто не различался и сам нарост. После одного дождливого дня, когда человеческие очертания проступили на полу особенно отчетливо и от плесени по направлению к дымоходу потянулся, как мне почудилось, легкий желтоватый дымок, я рассказал обо всем дяде. Он счел, что у меня разыгралось воображение, и даже посмеялся, но потом задумался. Позже я узнал, что в некоторых самых невероятных из всей череды преданий говорилось о взмывавшем иногда из трубы дыме, принимавшем отвратительные, звероподобные формы. Эти гнусные очертания воспроизводили и корни мрачных деревьев, пробивавшиеся сквозь толщу камня в подвал.

II

Когда я достиг совершеннолетия, дядя ознакомил меня со своими записями и документами, касавшимися заброшенного особняка. Доктор Уиппл относился к здравомыслящим врачам старой школы и, несмотря на свой ярко выраженный интерес к тайне пресловутого дома, не торопился направить юношескую любознательность на

столь рискованный объект. Сам он, впрочем, был уверен, что вся тайна сводится к нездоровым природным условиям и качеству строительства, но опасался, что многочисленные загадочные подробности, столь заинтересовавшие его самого, могут потрясти мое воображение и вызвать самые непредсказуемые реакции.

Доктор – седовласый, всегда чисто выбритый джентльмен – был старым холостяком. Он проявлял глубокий интерес к истории нашего края и настолько преуспел в этом, что неоднократно вступал в полемику с такими учеными мужами, как Сидни С. Райдер и Томас У. Бикнелл. Он жил со своим единственным слугой в георгианском коттедже с дверным молотком и обитыми железом перилами, примостившемся у того самого места, откуда Норт-Корт-стрит уходила вверх. С коттеджем соседствовали старинное кирпичное здание суда и дом, прежде принадлежавший колониальному управлению, где дед доктора – двоюродный брат прославленного капитана Уиппла, спалившего в 1772 году «Гаспи», боевой корабль Его Величества, – проголосовал за независимость Род-Айленда. В библиотеке – сыровой комнате с низким потолком, стенами, обшитыми белыми панелями, на каминнике с затейливой резьбой и увитыми виноградом окнами – хранились семейные реликвии и бумаги. В некоторых встречались упоминания о заброшенном доме на Бенифит-стрит, таящие намеки на нечто таинственное. Это проклятое место находилось неподалеку от коттеджа: Бенифит-стрит начиналась сразу за зданием суда и шла вдоль холма, на котором строили свои дома первые колонисты.

Наконец мои неустанные расспросы возымели действие. Дядя решил, что, повзрослев, я имею право знать правду, и ознакомил меня с весьма странными обстоятельствами, касаемыми этого дома. Как показывала объективная статистика, за все время его существования жизнь обитавших в нем людей непрерывно подвергалась воздействию некой злой и разрушительной силы. Это открытие произвело на меня куда большее впечатление, чем на доброго дядюшку. Собранные вместе, отдельные случаи и некоторые вроде бы незначительные эпизоды наводили на ужасные предположения. Мною снова овладело жгучее, неумное любопытство, по сравнению с которым мой детский интерес казался обычной в этом возрасте любознательностью. Первые догадки привели впоследствии к долгому и изнурительному изучению документов и наконец – к фатальному расследованию, которое так дорого обошлось мне и моей семье. Ведь дядя, конечно же, присоединился к начатым мною розыскам, и после одной ночи, проведенной вместе в проклятом доме, я вышел оттуда один. Как недостает мне теперь этого доброго человека, в течение долгих лет бывшего в моих глазах образцом чести, добродетели, хорошего вкуса, доброжелательности и образованности. В память о нем я воздвиг мраморное изваяние на кладбище Святого Иоанна, где так любил бродить Эдгар По. Этот погост, ограниченный с одной стороны вековой церквушкой, а с другой – домами и оградительными стенами Бенифит-стрит, по сути, представляет собой тихую укромную рощицу из раскидистых ив, где мирно жмутся друг к другу могилы и родовые склепы.

Изучая историю дома и сопоставляя отдельные события и даты, мы не обнаружили ничего необычного и тем более ужасного ни в обстоятельствах его строительства, ни в личностях первых владельцев, принадлежавших к богатому и уважаемому семейству. Однако с самого начала в доме ощущалось присутствие неопределенной опасности, которая вскоре осязаемо себя проявила. Собранные дядей по крупицам сведения

восходили к постройке дома в 1763 году и довольно подробно прослеживали все дальнейшие события. Его первыми хозяевами были Уильям Хэррис и его жена Роби Декстер. С ними также жили их дети: Элкана, родившаяся в 1755 году, Абигайл – в 1757-м, Уильям-младший в 1759-м, и Руфь – в 1761-м. Слывший состоятельным купцом и искусным мореплавателем, Хэррис совершал по поручению фирмы «Обадья Браун и племянники» деловые вояжи в Вест-Индию. После смерти Брауна в 1761 году глава новой фирмы, «Николас Браун и К^о», доверил ему бриг «Пруденс» водоизмещением 120 тонн, построенный тут же, в Провиденсе. Повышение по службе позволило Хэррису наконец исполнить давнишнюю свою мечту, укрепившуюся после женитьбы, и выстроить собственный дом.

Для особняка он выбрал живописное место на недавно выровненной и потому считавшейся престижной Бэк-стрит; улицу проложили вдоль холма, и она довольно высоко поднималась над плотно застроенным бедняцким районом. Дом вполне соответствовал красоте места, впрочем, ничего лучшего, учитывая весьма скромные накопления, выстроить было просто нельзя. Поэтому понятна та торопливость, с какой Хэррис поспешил въехать в новое жилище, тем более что семья ждала пятого ребенка. Но родившийся в декабре мальчик оказался мертвым. С тех пор в течение ста пятидесяти лет ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года дети Хэррисов заболели неизвестной болезнью, и еще до конца месяца Руфь и Абигайл скончались. По мнению доктора Джоуба Айвза, девочки умерли от лихорадки, но другие специалисты утверждали, что смерть наступила в результате истощения и резкого упадка сил. Болезнь была, по-видимому, заразной, так как в июне Ханна Бауэн, служанка, скончалась от недомогания со сходными симптомами. Другой слуга, Эли Лайдисон, постоянно жаловался на слабость и хотел было вернуться в Рибот, на ферму отца, но помешала его внезапная страсть к Митабел Пирс, взятой на место Ханны. Он умер на следующий год, оказавшийся поистине трагическим: тогда же скончался и сам Уильям Хэррис, подорвавший свое здоровье, как все полагали, на Мартинике, где он подолгу находился в последние годы.

Овдовевшая Роби Хэррис так никогда и не оправилась от потери любимого мужа, а смерть старшей дочери, Элканы, нанесла последний удар по ее рассудку. В 1768 году у нее появились первые признаки помешательства, и тогда вдову пришлось перевести на второй этаж, ограничив ее передвижения по дому. Заботы о семье взяла на себя ее старшая незамужняя сестра, простоватая Мерси Декстер, перебравшаяся на Бенифит-стрит. Природа наделила сухопарую Мерси недюжинным здоровьем, которое, впрочем, после переезда заметно пошатнулось. Она была очень привязана к своей несчастной сестре и обожала племянника Уильяма – единственного из детей, кто остался в живых, хотя и превратился из бывшего крепыша в болезненного, непропорционально высокого и худого подростка. В том же году умерла служанка Митабел, а другой слуга, Презервид Смит, попросил расчет, не дав по этому поводу никаких вразумительных объяснений, а только бормоча нечто невнятное и все время повторяя, что в доме премерзкий запах. Мерси с трудом нашла новых слуг: семь смертей и сумасшествие, поразившие семью всего лишь за пять лет, могли хоть кого отпугнуть. Кроме того, по городу поползли разные слухи, обросшие со временем совсем уж фантастическими подробностями. Наконец ей удалось заполучить людей со стороны: угрюмую Энн Уайт,

родом из той части Северного Кингстауна, которая теперь именуется Эксетером, и ловкого бостонского малого по имени Зенас Лоу.

Именно Энн Уайт впервые открыто заговорила о том, о чем шептались в городе. Мерси не стоило нанимать прислугу из такого Богом забытого местечка, как Нусек-Хилл, слывшего тогда, как, впрочем, и теперь, рассадником самых невероятных поверий и предрассудков. Если не далее как в 1892 году жители Эксетера эксгумировали труп и торжественно сожгли извлеченное из него сердце, дабы воспрепятствовать мнимым ночным хождениям покойника, якобы наводившего порчу на горожан, то можно себе представить, с какой силой могло разыгаться воображение их предков в середине восемнадцатого века. У Энн был острый язычок, и спустя несколько месяцев Мерси пришлось расстаться с ней, взяв на ее место преданную и добродушную Марию Роббинз, мужеподобную амазонку из Ньюпорта.

Тем временем несчастную, полностью впавшую в безумие Роби Хэррис мучили сны и видения, о кошмарности которых можно было судить хотя бы по ее отчаянным воплям. Иногда истерические крики больной – свидетельство переживаемого ею ужаса – становились совершенно непереносимы, и тогда Уильяма забирал на время к себе его кузен Пелег Хэррис, живший на Пресбитериен-лейн, неподалеку от нового здания колледжа. Здоровье мальчика там сразу же улучшалось, и будь Мерси столь же мудра, как добродетельна, то позволила бы ему поселиться там насовсем. К сожалению, не осталось подробных сведений о том, что именно выкрикивала миссис Хэррис в приступах безумия, но дошедшее до нас представляется на редкость абсурдным. Ну разве можно поверить, что женщина, знавшая лишь несколько французских слов, могла часами ругаться на этом языке, прибегая к идиоматическим выражениям, известным лишь исконным французам? И чего стоили ее странные жалобы на некую ужасную тварь, пытавшуюся кусать и жевать ее, если она находилась под постоянным присмотром? В 1772 году умер Зенас, и миссис Хэррис, услышав об этом, засмеялась с видимым удовольствием, что было совсем на нее не похоже. А на следующий год и она отошла в мир иной и теперь покоится на Северном кладбище рядом со своим мужем.

Когда в 1775 году начались трения с Великобританией, Уильям Хэррис, несмотря на свои неполные шестнадцать лет, записался добровольцем в армию генерала Грина и за несколько лет значительно преуспел и в здоровье, и в чинах. В 1780 году он служил уже капитаном в войсках Род-Айленда под командованием полковника Энджелла, там, в Нью-Джерси, познакомился с Феб Хетфилд родом из Элизабеттауна, женился на ней и на следующий год, вернувшись с триумфом в Провиденс, привез с собой и юную жену.

Однако возвращение молодого воина не превратилось в сплошной праздник. Дом, правда, находился в отличном состоянии, а улицу расширили, переименовав в Бенифит-стрит. Однако тетушка Мерси заметно сдала – от ее бывлой крепости не осталось и следа. Уильяма встретила скрюченная жалкая старушка с безжизненным голосом и бледным как смерть лицом. Похожие перемены произошли и с единственной не покинувшей семейство служанкой, Марией. Осенью 1782 года Феб Хэррис родила мертвую девочку, а пятнадцатого мая следующего года добродетельная Мерси Декстер, прожив жизнь в самоотверженном труде и заботах о близких, оставила этот мир.

Тогда-то Уильям, полностью уверовавший в нездоровый климат своего жилища, решил навсегда покинуть его. Временно сняв для себя и жены номер в только что открывшейся гостинице «Золотой шар», он затеял строительство более благоустроенного дома на Уэстминстер-стрит, в новом городском районе за Большим мостом. Там в 1785 году родился его сын Дьюти, после чего семья благополучно жила в этом доме до того времени, когда интересы коммерции заставили их перебраться ближе к прежним местам и поселиться в новой части восточного квартала, на проложенной вдоль холма Энджел-стрит. Именно там, где впоследствии, в 1876 году, покойный Арчер Хэррис воздвиг свой пышный, но безвкусный особняк с мансардой. В 1797 году Уильям и Феб скончались во время эпидемии желтой лихорадки, а Дьюти взял на воспитание его двоюродный брат Ратбоун Хэррис, сын Пелега.

Ратбоун был человек деловой и поспешил сдать дом на Бенифит-стрит внаем, несмотря на желание Уильяма, чтобы дом пустовал: он считал своим долгом сделать все, чтобы увеличить состояние подопечного. Ратбоун и впредь не озадачивался большим количеством смертей и болезней в доме, из-за которых там часто сменялись жильцы, а также растущей недоброй славой особняка. Похоже, он чувствовал только раздражение, когда в 1804 году городской совет обязал его обработать дом серой, дегтем и нафталином после очередных четырех смертей, о которых много говорили в городе, и не верил, что причиной их была все та же эпидемия лихорадки, уже сходившая на нет. По мнению же совета, о наличии источника инфекции говорил стоявший в доме гнилостный запах.

Самого Дьюти мало заботила его собственность: он вырос, стал морским офицером и проявил себя наилучшим образом в войне 1812 года, служа на судне «Виджилент» под командованием капитана Кехуна. С войны он вернулся в добром здравии, в 1814 году женился и стал отцом в ту незабываемую ночь двадцать третьего сентября 1815 года, когда в заливе бушевал невиданной силы шторм. Затопив полгорода, он вынес на улицы сторожевой шлюп, мачты которого уперлись прямо в окна дома Хэррисов на Уэстминстер-стрит, как бы символически подтверждая, что новорожденный Уэлком – сын моряка.

Уэлком погиб с честью у Фредерикберга в 1862 году, уйдя из жизни раньше своего отца. Ни он, ни его сын Арчер не были знакомы со страшной историей дома, относясь к нему просто как к неудачной собственности, которую трудно сдать из-за вечной сырости и гнилостного запаха, неудивительного в таком неухоженном и старом жилище. После нескольких смертей, следовавших одна за другой (кульминацией в количественном их нарастании стал 1861 год), дом никогда уже больше не сдавался, и только бурные события начавшейся войны заставили горожан позабыть обстоятельства этих зловещих кончин. По разумению Кэррингтона Хэрриса, последнего в семье представителя мужской линии, дом был заброшенным родовым гнездом, обросшим за долгое время множеством живописных легенд. Когда я поделился с ним жутким знанием, он хотел было тут же снести особняк и выстроить на освободившемся месте гостиницу. Но после того, как я открыл ему всё, он решил сохранить дом, провести водопровод и попробовать снова сдать его. Желающие поселиться нашлись тут же, и ужасные события были забыты.

III

Можно себе представить, как потрясла меня хроника семьи Хэррисов. Уйдя с головой в эти записи, я прямо-таки непосредственно ощущал присутствие там непостижимого, чудовищного зла, равного которому я не знал в природе. И связано оно было не с семьей, а с домом. Это мое впечатление подкреплялось множеством документальных свидетельств, обстоятельно собранных дядей, рассказами слуг, вырезками из газет, копиями медицинских свидетельств о смерти и тому подобным. Я не могу, разумеется, привести здесь все документы: дядя, страстный коллекционер по натуре, глубоко заинтригованный историей заброшенного дома, собрал их изрядное количество. Но кое-что повторялось во многих источниках, и вот об этом-то следует упомянуть. Из рассказов слуг, например, выходило, что злая сила таилась в смрадном, заросшем грибковой плесенью подвале. Некоторые слуги, особенно Энн Уайт, вообще избегали туда заглядывать. И еще: по меньшей мере в трех обстоятельных версиях упоминались корни деревьев и плесенные наросты, в дьявольских очертаниях которых угадывались искаженные формы человеческих фигур. Эти рассказы меня особенно заинтересовали, так как и я видел в детстве нечто подобное, хотя у меня было чувство, что каждый рассказчик привносил в историю колорит своего родного фольклора.

Энн Уайт, с ее эксцетерскими предрассудками, предлагала самую экстравагантную и одновременно самую логичную версию. Она утверждала, что под домом похоронен один из тех вампиров, которые, чтобы сохранить свою плоть, должны пить кровь и красть дыхание у живых людей. Именно с этой целью ужасные полчища мерзких созданий бродят по ночам в виде привидений или прикидываясь людьми. Энн требовала поскорее взяться за поиски в подполе гнусной могилы, и эта ее упрямая настойчивость стала одной из причин, по которой с ней предпочли расстаться.

Ее рассказы пользовались, однако, большим успехом у соседок, оно и понятно – дом и вправду стоял на земле, где когда-то было кладбище. Это обстоятельство, хоть и весьма существенное, было для меня все же не столь важно рядом с другим: предположения Энн подтверждались жалобами Презервида Смита, слуги, уволившегося до прихода Энн и зная ее не знавшего. Смит утверждал, что кто-то по ночам «высасывает из него силы». Как тут не вспомнить свидетельства, подписанные доктором Чэдом Хопкинсом, о смерти четырех людей, скончавшихся якобы от желтой лихорадки в 1804 году! В них тоже говорилось о патологическом малокровии жертв. И несчастная Роби Хэррис кричала в бреду о некоем призрачном существе с остекленевшими глазами и острыми клыками.

Хотя я с предубеждением отношусь к разного рода предрассудкам, но здесь стоило призадуматься, особенно после знакомства с двумя газетными заметками разных лет, в которых говорилось о странных смертях в заброшенном доме. В статье из «Провиденс газетт энд кантри» от 12 апреля 1815 года и в другой – из «Дейли транскрипт энд кроникл» от 27 октября 1845 года – сообщалось о поразительно похожих, приводящих в содрогание случаях. Казалось, что описывалась одна и та же кончина. И благочестивая пожилая леди Стэффорд, почившая в 1815 году, и школьная учительница Элизар Дюрфи перед самой агонией чудовищным образом преображались: взгляд их стекленел, а при осмотре они старались впиться зубами в горло врача. Еще более удивительные обстоятельства сопутствовали той череде смертей, после которых дом на Бенифит-стрит навсегда

опустел. Больные теряли рассудок, а потом стремительно погибали от прогрессирующей анемии. Впав в безумие, они покушались на жизнь близких, изобретательно изыскивая возможность вцепиться зубами им в горло или запястье.

Мой дядя занялся врачебной практикой то ли с 1860, то ли с 1861 года и уже тогда слышал об этих таинственных случаях от старших коллег. Самым необъяснимым в них представлялось то, что жильцы (а последние годы дом снимали неграмотные, темные люди – чистую публику отпугивал мерзостный запах и плохая репутация дома), не знающие ни слова по-французски, заболевая, проклинали всех и вся именно на этом языке. Как тут было не вспомнить бедную Роби Хэррис, скончавшуюся почти столетие назад! На дядю произвело сильное впечатление все услышанное, и, вернувшись с фронта, он занялся сбором информации о странных смертях в заброшенном доме, в чем ему очень помогли доктора Чейз и Уитмарш, давшие, как говорится, сведения из первых рук. Дядя много и серьезно размышлял над этим феноменом и был несказанно рад моему неподдельному интересу: теперь ему было с кем обсуждать то, над чем посмеивались другие. Он не обладал моей пылкой юношеской фантазией, но опыт подсказывал ему, что таинственное место способно воспламенить воображение и превосходит все известное в области таинственного и ужасного.

Я же отнесся ко всему исключительно серьезно и, не желая ограничиваться пассивной ролью слушателя, старался сам добыть новые сведения. Беседуя много раз с престарелым владельцем заброшенного дома Арчером Хэррисом вплоть до его смерти в 1916 году, – я получил от него, а также от незамужней сестры Арчера Алисы, здравствующей и ныне, подтверждение собранной дядей информации. На мой вопрос, что могло связывать дом с Францией, оба недоуменно молчали. Арчер вообще ничего не знал, а мисс Хэррис в конце концов припомнила, как ее дед, Дьюти Хэррис, что-то такое рассказывал. Старый моряк, переживший на два года своего сына Уэлкома, павшего в сражении, не знал всей легенды полностью, но вспоминал, как его старая няня, Мария Роббинз, говорила о бредовых выкриках на французском языке Роби Хэррис, за которой ухаживала до самой ее кончины. Мария жила в доме Хэррисов с 1769 по 1783 год в пору, когда семья окончательно покинула опасное жилище, и присутствовала при смерти Мерси Декстер. Как-то она упомянула малолетнему Дьюти о странном поведении Мерси в ее последние минуты, но он вскоре все забыл, помня только, что речь шла о какой-то дикости. Впрочем, даже эти, крайне неопределенные, подробности внучка Дьюти вспомнила с большим трудом. И она, и ее брат мало интересовались историей дома, в отличие от нынешнего его хозяина – Кэррингтона Хэрриса, сына Арчера, которому я без утайки рассказал о жутком нашем расследовании.

Собрав всю доступную информацию о семействе Хэррисов, я стал внимательно изучать документы, относящиеся к прошлому города, занимаясь с захватывающим интересом тем, чему дядя не уделил должного внимания. Мне хотелось составить связное представление об истории поселения начиная с 1636 года, а может, и с более ранних времен, если посчастливится разыскать индейские легенды, бытовавшие в районе Наррагансетского залива. Я узнал, что земля, на которой впоследствии построили дом, была частью протянувшегося вдоль побережья владения, пожалованного в свое время Джону Торкмортону. Земли, дарованные другим колонистам, начинались также недалеко от реки, где теперь пролегает Таун-стрит, и тянулись вверх по холму в

направлении нынешней Хоуп-стрит. Земли Торкмортонов, по мере разрастания рода, дробились, и мне надлежало установить, к кому же перешел злосчастный участок на Бэк-стрит, или, что то же самое, на Бенифит-стрит. По слухам, там располагалось кладбище рода Торкмортонов, но, порывшись в старых бумагах, я выяснил, что их останки со временем перезахоронили на Северном кладбище, близ дороги на Потакен-Уэст.

Затем я наткнулся на документ – надо сказать, по чистой случайности, так как он лежал отдельно от всех остальных, – который возбудил мое острейшее любопытство: документ прояснял наиболее странные обстоятельства дела. Это была запись о сдаче в аренду Этьену Руле и его жене в 1697 году небольшого участка земли из владения Торкмортонов. Вот он, французский элемент! Я начал досконально изучать расположение отдельных участков перед тем, как проложили, а затем и выровняли Бэк-стрит, то есть за 1747–1758 годы, и тут на меня дохнуло ужасом, пожалуй не меньшим, чем с самых зловещих страниц когда-либо читанных оккультных книг. То, что я подсознательно уже знал, подтвердилось: там, где теперь стоял заброшенный дом, было кладбище семейства Руле; оно непосредственно примыкало к их жилищу – одноэтажной постройке, и не существовало никаких свидетельств, что останки захороненных там людей куда-либо переносились. Так как из найденного мною документа ничего более нельзя было извлечь, мне пришлось перерыть всю Историческую библиотеку Род-Айленда, а затем и Библиотеку Шепли, прежде чем я выяснил, кто же такие были эти Руле.

Семейство Руле прибыло в наши места, как выяснилось, из Ист-Гринвича, расположенного на западном берегу Наррагансетского залива. Власти Провиденса долгое время колебались, разрешить ли этим гугенотам из Кода обосноваться в городе. В Ист-Гринвиче, куда Руле приехали после отмены Нантского эдикта, их недолюбливали. Эта неприязнь проистекала, по слухам, не из расовых или национальных предрассудков и не из-за споров о земле – вечном поводе для раздоров между французскими и английскими колонистами, которые не смог притушить даже губернатор Эндрос. Но, учтя их стойкую приверженность к протестантизму, слишком уж яростную, по мнению некоторых, – а также их неподдельную скорбь по утраченному домашнему очагу, которого их практически насильственно лишили, власти даровали им приют в Провиденсе. Более того, смуглолицего Этьена Руле, который мало что смыслил в сельском хозяйстве, зато много преуспел в чтении мудреных книг и часами рисовал диковинные диаграммы, назначили клерком при товарном складе, обслуживающем верфи в южной части Таун-стрит. Именно там позднее разразился бунт, но это было лет сорок спустя, когда старик Руле уже умер. После этого события семейство покинуло город, и дальнейшая его судьба покрыта тайной.

Но о них не забывали еще долго; в течение целого столетия, а может, и больше, пребывание здесь Руле вспоминали как бурный эпизод в размеренной жизни морского порта Новой Англии. Особенно часто обсуждали сына Этьена, Поля, мрачного субъекта, своим странным поведением спровоцировавшего бунт, после которого семейство убралось из города. В Провиденсе никогда не практиковалась охота за ведьмами, что частенько случалось в пуританских селениях по соседству, но о Поле поговаривали, что он никогда не преклоняет колена в отведенное для молитвы время, да и молится-то непонятно кому. Эти слухи и лежали в основе легенды, известной старой Марии Роббинз.

Однако все это не объясняло, какая существовала связь между семейством Руле и бредом на французском языке Роби Хэррис и прочих домочадцев. Не знаю, сопоставлял ли кто-нибудь из жителей города эти легенды с ужасными событиями, известными мне из старой литературы. Я имею в виду то зловещее дело, которое неписаная история мирового Зла связывает с именем *Жака Руле из Кода*, приговоренного в 1598 году к сожжению на костре за общение с дьяволом. Впоследствии по ходатайству парижского парламента смертную казнь заменили пожизненным заточением в сумасшедшем доме. Дело в том, что Руле нашли в лесу с измазанными кровью губами и прилипшими к ним мельчайшими кусочками плоти вскоре после того, как пара волков растерзала мальчика. Одного волка убили, но другому удалось уйти. Если бы не точное указание места происшествия и имени подозреваемого в злодействе оборотня, все это выглядело бы просто таинственной историей – из тех, что рассказывают поздним вечером у камина. По моему мнению, в Провиденсе вряд ли слышали об этом давнем зловещем событии. Однако, если слухи все же распространились, сходство имен наверняка вызвало в сердцах жителей суеверный страх, а это могло стать поводом к той заварушке, в результате которой Руле пришлось покинуть город.

Я все чаще посещал проклятое место, изучал необычную растительность в саду, обследовал стены дома, тщательно просмотрел каждый дюйм земляного пола в подвале и, наконец, с разрешения Кэррингтона Хэрриса, подобрал ключ к той всеми забытой двери, которая выходила прямо на Бенифит-стрит. Мне хотелось иметь на будущее возможность побыстрее выбраться отсюда на свет божий, а не плутать мрачными переходами и темными лестницами, ведущими к парадной двери. Здесь, в подвале, единственном месте, где могла таиться вековая нечисть, я проводил в поисках и размышлениях долгие послеобеденные часы. От мирной городской улицы меня отделяло лишь несколько шагов, да и заходящее солнце пробивалось сквозь затянутые паутиной щели в двери. Но ничего нового мне пока не открылось – все та же удушающая затхлость, плесневые контуры на полу и временами доносящийся откуда-то омерзительно гнилостный запах. Иногда кто-нибудь из прохожих замечал сквозь разбитые стекла в двери неясную фигуру и недоуменно останавливался, с любопытством приглядываясь.

Спустя какое-то время дядя посоветовал мне посетить подвал после захода солнца, и вот одной ненастной ночью я начал осмотр земляного пола, освещая электрическим фонариком жутковатые плесневые наросты и уродливые, слабо флуоресцирующие грибы. На этот раз подвал подействовал на меня как-то особенно удручающе, и поэтому я даже не удивился, когда различил – или мне показалось? – среди беловатых плесневых разводов четко обозначенную «скорченную» фигурку, похожую на ту, что я видел ребенком. Сейчас она особенно хорошо выделялась на полу, и, всматриваясь, я заметил поднимающийся от нее тонкий желтоватый дымок, так поразивший меня одним дождливым днем много лет тому назад.

Легкое светящееся испарение, исходящее от плесневого нароста, постепенно обретало в подвальной сырости пугающие очертания, которые, зарождаясь среди гнили, уплывали в темную дыру дымохода, источая на своем пути удушливую вонь. Зрелище было ужасным, особенно для меня, так много знавшего об этом гиблом месте. Но я все же не обратился в бегство, а неотрывно смотрел на проплывающее призрачное существо,

оно же, в свою очередь, жадно пожирало глазами меня – что я больше ощущал, чем видел. Услышав мой рассказ о ночном приключении, дядя пришел в большое волнение и после упорных размышлений выработал твердый план дальнейших действий. Учитывая важность предприятия, а также нашего участия в нем, дядя настаивал, чтобы мы оба ближайшую ночь, а может, и несколько ночей подряд, провели в сыром, заросшем гнусными грибами подвале, подстерегая монстра, а дождавшись, постарались бы понять его природу и в случае удачи уничтожить.

IV

В среду 25 июня 1919 года, поставив в известность Кэррингтона о ночной нашей экспедиции, но не вдаваясь в детали и не сообщив, что мы предполагаем делать, мы с дядей перенесли в подвал два складных стула, раскладную кровать и один весьма тяжелый и сложный прибор. Укрывшись от любопытных взоров за обтянутым бумагой оконцем, мы разместили все эти вещи еще днем, готовясь вечером вернуться сюда на ночное дежурство. Мы также заперли дверь, ведущую из подвала на первый этаж, не желая рисковать прибором, который нам с большим трудом и за изрядные деньги удалось заполучить: кто знает, сколько ночей суждено нам здесь провести! Было решено первую половину ночи дежурить вместе, вторую же – поодиночке, по два часа: сначала я, следующим – мой дядя, чтобы каждый мог немного вздремнуть.

Дядя, несомненно, был главой нашего предприятия: ведь это он достал необходимые приборы в Университете Брауна и на оружейном заводе, что на Крентон-стрит, да и теперь продолжал руководить нашими действиями. Какая жизненная сила, какая энергия таилась в этом человеке, которому шел уже семьдесят второй год! Илайхью Уиппл прожил свою жизнь в соответствии с теми правилами, которые он исповедовал и пропагандировал как врач, и, если бы не трагические обстоятельства, был бы и сейчас в добром здравии. Только двое во всем мире могли догадываться, что с ним произошло, – Кэррингтон Хэррис и я. Мне пришлось все рассказать Хэррису: ведь он как владелец дома должен был знать, что скрывалось в нем. Кроме того, мы предупредили его о нашем расследовании, так что после исчезновения дяди я надеялся, что он все поймет и поможет мне создать для горожан правдоподобную версию случившегося. Услышав мой рассказ, он побледнел, но помочь согласился и признал, что теперь, видимо, можно будет сдать дом.

Было бы грубой и нелепой ложью сказать, что мы не волновались в дождливую ночь нашего первого ночного дежурства. Обывательскими предрассудками мы не страдали, однако путем размышлений и научных исследований пришли к выводу, что трехмерная вселенная, где обитает человечество, является лишь одним из вариантов огромного мира вещества и энергии. В нашем же случае почти все свидетельства из достоверных источников говорили за то, что в доме прочно обосновались некие могущественные силы, представляющие исключительную опасность для человека. Нельзя сказать, что мы безусловно верили в вампиров или оборотней, однако допускали существование некой неизвестной науке модификации жизненной силы и деградированного биологического вещества. Такие организмы могли только изредка проникать в трехмерное пространство, да и то лишь в том случае, если их собственный мир граничил с нашим. У нас же не было никакой надежды разгадать подоплеку этих эпизодических визитов, ибо, не имея отправной точки, невозможно даже подступиться к разгадке.

Короче говоря, дяде и мне казалось, что неопровержимая цепь фактов говорит о наличии в гиблом доме некоего стойкого воздействия неизвестных сил, прослеживаемого с появления в городе двести лет назад зловеще знаменитого французского семейства. Под воздействием неведомых нам законов атомистического и электронного движения это влияние сохранилось до сих пор. Вся история Руле неоспоримо доказывала, что члены этого рода обладали редкой способностью выхода в другие круги бытия, в темные сферы, вызывающие у обычных людей только ужас и содрогание. Возможно, неприязнь населения к семейству в тридцатые годы восемнадцатого века и связанные с нею городские волнения как-то повлияли на одного из Руле, скорее всего на мрачного Поля, задействовав определенные кинетические механизмы в его извращенном сознании. Высвободившаяся энергия продолжала жить и после его смерти в ограниченных пределах прежнего жилища, где Руле окружала яростная ненависть горожан.

В свете последних научных открытий, включая теорию относительности и внутриатомное устройство, все это не вступало в противоречие ни с физическими, ни с биохимическими законами. Можно представить себе материю или энергию, организованные вокруг чужеродного ядра в виде какой-то формы или бесформенно; можно также предположить, что эта субстанция поддерживает свое существование, паразитируя на жизненной силе, плоти или дыхании других, реально осязаемых существ, в которые она проникает, иногда полностью с ними сливаясь.

Этот симбиоз может проводиться с активно враждебной целью, а может быть и нейтральным средством, поддерживающим существование данной субстанции. Но как бы то ни было, подобный монстр все равно является аномалией. В нашем понимании он захватчик, и первейший долг каждого из нас, если он не враг рода человеческого и печется о его душевном и физическом здоровье, уничтожить злую силу.

Мы не знали, в каком образе явится к нам чудовище, и это беспокоило нас. Никто, будучи в здравом рассудке, не видел его, и лишь немногие непосредственно ощущали его воздействие. Возможно, он представлял собой чистую энергию – неземную сущность, стоящую вне царства материи, а может, был частично материальной субстанцией – неизвестной науке, нечетко выраженной плазменной массой, способной по своему усмотрению принимать размытые формы твердого, жидкого, газообразного вещества или комбинации из них. И в плесневом наросте на полу, и в форме желтоватого дымка, и в искривленных корнях, о которых говорилось еще в старых легендах, просматривалось отдаленное сходство с очертаниями человеческой фигуры, однако кто мог с уверенностью сказать, было ли это сходство устойчивым состоянием.

Для борьбы с монстром у нас имелось два средства. Во-первых, большая и специально приспособленная для наших целей трубка Крукса, работавшая на мощных батареях и снабженная особыми экранами и рефлекторами: если чудовище окажется неосязаемым, мы надеялись уничтожить его лучевой радиацией высокой мощности. На тот случай, если монстр хотя бы частично является материальным существом, которое можно убить механическим путем, мы припасли два огнемета, с успехом применявшихся на фронтах мировой войны: как и суеверные эксетерские крестьяне, мы собирались сжечь сердце чудовища, если таковое у него сыщется. Эти орудия уничтожения мы установили в

подвале между нашими уголком со стульями и раскладной кроватью и местом у печи, где росла столь необычной формы плесень. Когда мы расставляли наши вещи и позднее, когда вернулись на ночное дежурство, белесое пятно было еле заметно. На какое-то мгновение я даже заколебался: а не привиделось ли мне то призрачное существо?

Наше бдение началось в десять часов вечера: смеркалось поздно, а при свете дня ожидаемые явления не происходили. Еле пробивающийся сквозь пелену дождя свет уличных фонарей и слабое фосфоресцирование омерзительных грибов освещали влажные каменные стены, с которых полностью сошла побелка, и весь подвальный интерьер: сырой, зловонный и заплесневелый земляной пол с этими гнуснейшими грибами; прогнившее старье – табуретки, стулья, столы и еще какую-то, не поддающуюся определению мебель; массивные балки и доски над головой; обветшалую дощатую дверь, ведущую в погреба; лестницу с выщербленными каменными ступенями и поломанными деревянными перилами; грубо сложенную из потемневшего кирпича печь, проржавевшие железные части которой указывали, в каких местах ранее находились подвесные крюки, железные решетки для дров, вертел, поддувало и дверца жаровни; а кроме того – наше аскетическое ложе, складные стулья, а также объемистую и сложную технику уничтожения.

Как и в мои прежние вылазки, мы оставили дверь на улицу незапертой, чтобы иметь путь к отступлению на тот случай, если почувствуем, что не в силах контролировать ситуацию. Мы надеялись, что наши ночные дежурства привлекут в конце концов внимание затаившейся в подвале злой силы и она каким-то образом проявит себя, а там уж мы, разобравшись что к чему, сумеем с помощью наших мощных приспособлений совладать с ней. Однако трудно было предположить, сколько на это потребуются времени. Наше предприятие становилось небезопасным: кто знает, какой силой обладало чудовище. Но игра стоила свеч, и мы не колеблясь пошли на риск, даже не помышляя о посторонней помощи – нас бы только высмеяли, а возможно, и помешали бы нам. Обо всем этом мы долго говорили, сидя ночью в подвале, пока я не заметил, что у дяди слипаются глаза, и не заставил его лечь отдохнуть.

Когда я остался один в эти предутренние часы, меня пронизал страх. Нет, это не оговорка: тот, кто сидит рядом со спящим, особенно одинок. Дядя тяжело дышал, его вдохи и выдохи слышались даже сквозь шорох непрекращающегося дождя. Более всего действовала мне на нервы сочившаяся с сырых стен вода – стук капель будто буравил голову. Дом не просыхал даже в сухую погоду – что уж говорить про такой потоп, как сегодня. От нечего делать я заинтересовался старинной кладкой стен, но при тусклом свете глаза мои быстро утомились, да и доносившиеся отовсюду неприятные звуки постоянно отвлекали. Когда они стали совершенно непереносимыми, я отворил дверь наружу и вдохнул полную грудь воздуха, с удовольствием глядя на милые сердцу картины.

Снаружи все выглядело так обыденно, что мне сразу полегчало. Я глубоко зевнул: усталость брала свое.

Вскоре дядя заворочался во сне. За последние полчаса он уже несколько раз переворачивался с боку на бок, теперь же необычно тяжело задышал, изредка выпуская вздохи, напоминающие сдавленный стон. Я посветил на него фонариком, но дядя лежал,

повернувшись в другую сторону. Поднявшись, я обошел раскладушку и снова направил луч света на спящего. А вдруг он заболел? То, что я увидел, по непонятным причинам взволновало меня. Возможно, подействовала сама обстановка – зловещий дом и наша ответственная миссия, – ведь картина была самая что ни на есть мирная. Несколько обеспокоенное лицо дяди хранило, впрочем, его обычное выражение, во вздохах тоже не было ничего странного – ситуация вполне к этому располагала и дядины сны могли ей соответствовать. И все же в его чертах было нечто слишком уж экспрессивное. Обычно дядя, с его безукоризненным воспитанием, держался ровно и доброжелательно, его манеры были мягки и спокойны. Теперь же его, казалось, сотрясали эмоции. Особенно, помнится, меня поразила резкая смена чувств, отражавшаяся на лице спящего. Возбуждение его все нарастало. Судорожно глотая воздух и беспокойно ворочаясь на своей кровати, он наконец открыл глаза. И тут мое впечатление подтвердилось: в нем действительно как бы жило несколько человек, и все – из другого, не нашего времени.

Он что-то быстро забормотал, и в складках его губ, в манере речи появилось нечто новое и неприятное. Поначалу я ничего не мог разобрать, но затем с удивлением услышал такое, от чего похолодел. И это говорил образованнейший человек своего времени, писавший статьи по антропологии и археологии для французского журнала «Ревю де Дё Монд»? Илайхью Уиппл бредил на французском языке, и те несколько фраз, что я сумел разобрать, по своему мракобесию не уступали самым мрачнейшим мифам на страницах этого журнала.

Неожиданно на лбу дяди проступил пот, и он, еще в полудреме, резко вскочил с раскладушки. Французские слова сменились истошным воплем на родном языке: «Дышать! Трудно дышать!» Наконец дядя проснулся полностью, лицо его обрело обычное свое выражение, и, схватив меня за руку, он начал рассказывать свой сон, зловещий смысл которого я прозревал со страхом.

Вскоре после того, как он погрузился в сон, обычные земные сновидения сменились чем-то иным, настолько ни на что не похожим, что он даже затруднился в словах. Это был наш мир и одновременно какой-то другой, где происходила невероятная геометрическая путаница: привычные вещи выступали в необычных, тревожащих конфигурациях. Совмещались, казалось, несоизмеримые вещи, разрозненные фрагменты реальности, как если бы пространство и время, распавшись, вновь слились в причудливых сочетаниях. И в этом вихре фантастических образов вдруг возникали моментальные, если можно так выразиться, фотографии – чрезвычайно четкие видения, ошеломляющие, правда, своей разнородностью.

В один момент дяде почудилось, что он лежит в небрежно вырытой яме, а на него сверху смотрит множество угрюмых физиономий в треуголках поверх растрепанных кудрей. И тут же он очутился в доме – по-видимому, очень старом, – обстановка и жильцы в котором непрерывно менялись, и он, помнится, никак не мог уразуметь, в какой находится комнате и кто стоит рядом, потому что двери и окна тоже участвовали в этой дикой круговерти. Все это было странно, чертовски странно, и дядя рассказывал сон с какой-то даже робостью, видимо боясь, что я ему не поверю, особенно после того, как он прибавил, что люди в доме очень напоминали чертами лиц семейство Хэррисов.

Одновременно он испытывал страшное удушье и неприятное чувство, как если бы кто-то невидимый проникал в него, желая похитить жизненную силу. Я с ужасом представил себе, как изношенный организм восьмидесятилетнего старца сопротивляется проникшим в него злым силам, представил неравную борьбу, где неизбежно победит сильнейший. Но уже минутой спустя успокоился, утешив себя, что сон – это всего лишь сон, да и сами неприятные видения – реакция дяди на предысторию нашего расследования и на непривычную обстановку эксперимента. Ведь в последнее время именно он занимал все наши мысли.

Постепенно беседа рассеяла мои страхи, и, почувствовав сонливость, я в свою очередь занял место на раскладушке. Дядя же, казалось, совершенно не хотел спать и с радостью согласился подежурить, хотя ночные кошмары оборвали его сон задолго до того, как истекли отведенные ему два часа. Заснул я мгновенно, но и мои сновидения были тревожны. Мне снилась темница, где я лежал, ощущая космическое, беспредельное одиночество и зная, что отовсюду надвигается на меня враждебная злая сила. Связанный, с кляпом во рту, я слушал доносящиеся издали издевательские вопли монстров, жаждущих моей крови. Эхо разносило эти страшные крики по всей темнице. Помнится, надо мной склонялось дядино лицо, но выражение его было не столь приятным, как наяву. Безуспешно пытаясь освободиться от пут, я силился закричать. Сон становился все неприятнее, и я почувствовал облегчение, когда пронзительный вопль, прокатившись эхом по дому, разорвал оковы сна и резко вывел меня из забытья. И тут подвал и все находящиеся в нем предметы вдруг предстали предо мной с какой-то пугающей отчетливостью.

V

Очнувшись, я не увидел дяди – он сидел за моей спиной, перед моими же глазами были дверь на улицу и фрагмент выходящей на север стены с оконцем и потолком. Я видел их гораздо лучше, чем при свете флуоресцирующих грибов и тусклых уличных фонарей. Нельзя сказать, чтобы освещение стало ярче, нет, книгу с обычным шрифтом, например, нельзя было бы читать. Но появился новый источник света, отбрасывающий тень от меня и раскладушки; он излучал желтоватое сияние и обладал особой проникающей силой, при которой предметы обрисовывались рельефней, чем при обычном освещении. Я стал гораздо зорче, но два других органа чувств – слух и обоняние – переживали страшный шок. В ушах по-прежнему стоял душераздирающий крик, и, кроме того, я почти задыхался от невыносимого гнилостного запаха. Всем своим существом ощутив непонятную угрозу, я почти автоматически спрыгнул с раскладушки и бросился к поставленным нами перед плесневым пятном орудиям защиты. Признаюсь, мне страшно было обернуться; к этому времени я уже осознал, что кричал дядя, и боялся заглянуть в лицо опасности, от которой придется защищать себя и его.

Зрелище превзошло самые худшие ожидания. Безграничный космос иногда посылает отдельным несчастливцам кошмарные, inferнальные видения, но то, что я увидел, было ни с чем не сравнимо. Оттуда, где раньше стелились плесневые грибы, восходило мертвенно-желтое испарение; поднимаясь вверх, оно пузырилось и побулькивало, принимая наполовину человеческие, наполовину звероподобные очертания. Сквозь чудовищную тварь просвечивали печь и дымоход. Говоря, что видел это существо, я не

совсем точен: его формы как бы додумывались позднее в моем сознании. Тогда же передо мной клубилось только слабо фосфоресцирующее облако плесневых испарений, оно окутывало и постепенно превращало в омерзительную вязкую массу того, к кому было приковано мое внимание. Этим кем-то был мой дядя, почтенный Илайхью Уиппл, чье потемневшее и расплывающееся лицо глядело на меня со злобной плотоядной усмешкой. Он свирепо тянулся ко мне, желая растерзать, но жуткие когти, не успевая коснуться моей одежды, рассыпались в прах.

Только активность спасла меня от безумия. Я готовился к решительным действиям, и этот настрой оказался бесценным. Мгновенно осознав, что клубящееся зло не принадлежит к субстанции, которую можно сокрушить материальными или химическими средствами, и потому даже не взглянув на огнемет, неясно вырисовывавшийся слева от меня, я бросился к трубке Крукса и направил на богохульственное зрелище мощнейшую дозу радиации. Раздалось что-то вроде оглушительного всплеска, все заволокло голубоватой дымкой, и желтое свечение несколько поблекло. Но почти сразу же я понял, что цели не достиг: сильнейшее радиоактивное излучение не произвело на чудовищную субстанцию никакого эффекта.

Демонический спектакль, напротив, лишь набирал силу. Новое душераздирающее зрелище исторгло из меня дикий вопль и заставило броситься к незапертой двери, ведущей на улицу. Тогда я не думал о том, что за мной в безмятежную городскую тишь могут вырваться адские силы, и уж тем более меня не заботило, какое впечатление я произведу на случайного прохожего. В голубовато-желтом освещении тело дяди как-то омерзительно разжижалось, обретая ни на что не похожую консистенцию; одновременно лицо его претерпевало множество совершенно немыслимых изменений, которые могли зародиться разве что в воображении безумца. За мгновение он успевал побывать дьяволом и толпой, склепом и карнавальным шествием. В тусклом свете эта студенистая масса сменяла десятки, дюжины, сотни обличий и, ухмыляясь, опускалась все ниже к земле, оседая вместе с таявшим, как свеча, телом. Некоторые из множества мелькавших карикатурных видений ничего и никого не напоминали, другие были знакомы.

Я узнавал лица Хэррисов, мужчин и женщин, взрослых и детей, но одновременно видел и другие лица – старые и молодые, грубые и утонченные, знакомые и незнакомые. На секунду мелькнула плохая копия с миниатюры несчастной Роби Хэррис, которую я видел в Художественном музее, затем мне показалось, что я узнал лицо костлявой Мерси Декстер, запомнившееся мне во время посещения дома Кэррингтона Хэрриса, где висел ее портрет. Все это производило кошмарное впечатление, и я стоял, застыв на месте, провожая взглядом последнее, сложившееся из черт слуги и младенца, видение, мелькнувшее уже на уровне заплесневелого пола, где растеклась сальная зеленая лужица. Мне показалось, что в этот последний момент разрозненные черты ужасной маски яростно боролись друг с другом, пытаясь слиться в дорогой мне образ доброго дядюшки. Мне приятно вспомнить, что на мгновение его доброе лицо возобладало над хаосом и он даже попытался послать мне последний привет. Кажется, я тоже сумел выдать из сведенного судорогой горла слова прощания, а потом бросился на улицу, куда за мной на мокрый от дождя тротуар устремилась тонкая сальная струйка.

Остальная часть ужасной ночи прошла как в тумане. Улица под дождем была пустынна. Мне не пришло в голову обратиться к кому-нибудь за помощью, – что я мог рассказать? Я бесцельно брел куда-то к югу вдоль Колледж-Хилл и Городской библиотеки, а затем, миновав Хопкинс-стрит, перешел мост, оказавшись в деловой части города, где высокие здания – символ современного материального мира – казалось, оберегали меня от стародавнего фантастического бытия. Затем забрезживший на востоке сероватый рассвет осветил древний холм с его почтенными склонами, как бы призывая меня вернуться и завершить начатое. Я пошел – мокрый, без шляпы на голове, почти ничего не соображая, и ранним утром уже стоял у той зловещей двери на Бенифит-стрит, которую оставил распахнутой. Она и теперь – на глазах у ранних прохожих, с которыми я не осмеливался заговорить, – стояла таинственно приоткрытой, как бы приглашая войти.

Сальная лужа исчезла, впитавшись в ноздреватую поверхность пола. Перед печкой на плесенном наросте не было даже следов огромной скорченной фигуры. Я стоял и смотрел на раскладушку, стулья, инструменты, забытую мной шляпу, на соломенный головной убор дядюшки. Мысли мои все еще путались, и я не мог бы с точностью сказать, что мне приснилось, а что произошло на самом деле. Но вскоре память моя прояснилась, и тут я наконец осознал, свидетелем какого кошмара мне случилось быть. Присев, я стал соображать, насколько позволяло состояние, что же все-таки произошло и как совладать со всем этим ужасом, если он действительно имел место. Очевидно, что явившаяся мне субстанция была не материальна, не обладала она также и эфирными свойствами, впрочем, и какими-либо иными, известными человеку. Не представляла ли она в таком случае некую неведомую эманацию, выделяемую вампирами и таившуюся, согласно эксетерским легендам, на некоторых погостах? Решив, что отыскал ключ к тайне, я вновь стал разглядывать то место у печки, где обретались странной формы плесневые грибы. Через десять минут у меня созрело решение, и, надев шляпу, я поспешил домой. Там я принял ванну, позавтракал и попросил по телефону доставить завтра утром к заброшенному дому на Бенифит-стрит мотыгу, лопату, противогаз и шесть оплетенных бутылей с серной кислотой. Затем я постарался заснуть, но сон не шел, так что оставшееся время я провел в чтении и, чтобы как-то снять напряжение, сочинял бессмысленные стихи.

На следующий день в одиннадцать часов утра я уже копал землю. День выдался солнечный, и это взбодрило меня. Я по-прежнему был в одиночестве: при одной только мысли поделиться с кем-нибудь пережитым меня охватывал страх еще больший, чем перед самой встречей с загадочным злом. Только необходимость заставила меня позже рассказать все Хэррису, да и то я пересилил себя лишь потому, что он слышал старые легенды и был хоть в какой-то степени расположен поверить мне. Переворачивая пласты вонючей черной почвы, я рассекал лопатой белые грибы и, видя, как из них сочится густая, желтая, похожая на гной жидкость, трепетал от мысли, что мне придется увидеть. Человеку не следует знать некоторые секреты земли, и тот, с которым я соприкоснулся, принадлежал, несомненно, к таковым.

Руки мои тряслись, но я неуклонно продвигался к цели и вскоре стоял уже в глубокой яме около шести футов шириной. Неприятный запах все возрастал, и я не сомневался, что вот-вот вступлю в контакт с дьявольской тварью, захватившей дом полтора века назад. Я не знал, в каком она предстанет обличье, какова ее форма, субстанция, какой

объем она набрала за те годы, что похищала у людей жизненную силу. Прошло изрядно времени, прежде чем я выбрался из ямы, утрамбовал края и расставил по двум сторонам огромные бутылки с серной кислотой, чтобы в случае необходимости незамедлительно вылить их содержимое в зияющее отверстие. После этого я откидывал грунт только на две другие стороны, работая медленно и в противогазе: запах становился все непереносимее. Сознание близости к таящемуся подо мной неведомому монстру почти лишало меня рассудка.

Внезапно лопата вошла во что-то более мягкое, чем земля. Я задрожал от страха и хотел было выбраться из ямы, которая к тому времени стала мне по шею, но затем, собрав остатки мужества, начал осторожно, светя себе электрическим фонариком, соскребать лопатой верхний слой земли. То, что открылось моим глазам, напоминало протухший, полупрозрачный студень, тускло поблескивавший на свету. Продолжая счищать землю с желеобразной массы, я постепенно дошел до того места, где она закруглялась, и понял, что непонятная субстанция имеет форму. Очищенная мною часть дугообразно выступала массивной белесой трубой, расширенной на неровном изгибе до двух футов в диаметре. Я еще немного поскреб лопатой студенистую поверхность и... Не помню, как я очутился наверху, спасаясь от гнусной твари, помню только бешеную торопливость, с какой опрокидывал одну за другой тяжелые бутылки, выливая их едкое содержимое в зияющую кладбищенскую бездну с чудовищным монстром, чье гигантское плечо я только что видел.

Вряд ли мне суждено когда-либо забыть ослепительный зеленовато-желтый вихрь, взметнувшийся из потаенных глубин, залитых разъедающим потоком кислоты. Живущие на ближайших склонах люди долго вспоминали потом этот, как они говорили, желтый день, когда от якобы фабричных отходов, сброшенных в реку Провиденс, поднимались ядовитые испарения. Если бы они знали всю подноготную! По их словам, страшный рев, сотрясший округу, раздался из-за разрыва водопроводной трубы или неполадок в газовой магистрали. Насчет этого я тоже мог бы внести ясность. Рев и вправду был оглушительный, едва выносимый. Опорожнив четвертую бутылку, я потерял сознание – ядовитые пары проникли-таки под противогаз, а когда пришел в себя, все уже было позади.

Последние две бутылки, вылитые мною после обморока, никакого нового эффекта не дали, и, почувствовав, что с опасностью покончено, я стал зарывать яму. Только после полуночи земля в подвале сровнялась, теперь уже работать было не страшно – здесь все изменилось. Воздух больше не отдавал гнилью, странные грибы сморщились и распались, превратившись в безобидную серую труху, присыпанную, как пеплом, подвальный пол. Навсегда канул в небытие один из самых чудовищных монстров, когда-либо терроризировавших землю, и если есть ад, эта тварь несомненно там. А я, бросив поверх засыпанной ямы последнюю лопату земли, смог наконец заплакать. Это были первые слезы, пролитые мною по незабвенному дядюшке. Первые – из многих.

На следующий год во избегающем на холм саду вокруг заброшенного особняка не росли уже ни блеклая трава, ни странного вида сорняки, и вот тогда-то Кэррингтон Хэррис с легким сердцем сдал дом жильцам. У дома по-прежнему таинственный вид, но теперь это только придает ему особую прелесть. И мне, право, будет жаль, если его снесут

и построят на этом месте галантерейную лавку или гостиницу. Прежде голые деревья, окружавшие дом, вдруг зазеленели и неожиданно принесли плоды – небольшие и очень вкусные яблоки. А в прошлом году на их шишковатых сучьях птицы свили свои первые гнезда.

Перевод: Валерия Бернацкая

1991 год